

Лу Чжэнцин вовсе не был деспотичным родителем. Он искренне надеялся, что, съехав из дома и столкнувшись с жизненными трудностями, Юйань образумится и наконец повзрослеет. Но сын, казалось, лишь окончательно отбился от рук. Мало того, недавно секретарь Ду сообщил, что мальчик самовольно бросил школу, так еще и ухитрился запустить руку в наследный фонд матери, сняв оттуда круглую сумму на неизвестные нужды.

И вот теперь, ни капли не раскаиваясь, он снова причинил боль Ниннину. Поддавшись вспышке слепого гнева, Лу Чжэнцин на мгновение потерял контроль от глубокого разочарования и влепил сыну пощечину.

На самом деле он до последнего думал, что Юйань уклонится от удара.

Лу Юйань медленно поднял голову. Из разбитой губы по подбородку текла кровь, капая на землю, но он даже не поднял руки, чтобы вытереть ее. Он смотрел на отца в упор — прямо и спокойно.

— Это не я, — тихо и совершенно бесстрастно произнес он. — Лу Юйнин сам поскользнулся...

Договорить он не успел. Отец грубо перебил его. Для Лу Чжэнцина бледный, дрожащий от испуга Ниннин, который все еще барахтался в воде, был неоспоримой жертвой. На его фоне сухое оправдание застывшего рядом Юйаня выглядело равнодушной, небрежной попыткой уйти от ответа. В этом голосе не было и капли искреннего раскаяния.

Слабый укол вины, шевельнувшийся в груди отца после удара, мгновенно улетучился.

Ему на смену пришел глухой гнев.

Юйань и Ниннин были почти ровесниками, но из-за врожденного порока сердца и тяжелой астмы последний всегда рос бледным, хрупким и болезненным. Юйань на его фоне всегда казался куда крепче.

Глядя на мокрого, беззащитного Ниннина, беспомощно сидевшего в воде, и на холодного, безучастного Юйаня, Лу Чжэнцин окончательно сделал выбор. Чаша весов в его сердце бесповоротно склонилась в одну сторону.

К тому же Юйань совершал подобные жестокости далеко не в первый раз.

Взгляд Лу Чжэнцина, тяжелый и властный, налился почти осязаемой силой.

В компании даже закаленные суровыми кризисами топ-менеджеры робели и отводили глаза под этим взглядом. Юйань же смотрел прямо на него — открыто, чисто и прямо. На мгновение встретившись с его темными, глубокими зрачками, Лу Чжэнцин ощутил странное смятение и на уровне инстинктов отвел взгляд, переводя его на плечи сына.

Только сейчас он осознал, как сильно изменился Юйань. От прежнего упрямого, крепкого подростка не осталось и следа.

Мальчик был до ужаса истощен. Простая одежда висела на нем мешком, подчеркивая выпирающие ключицы. Он выглядел куда более худым и изможденным, чем болезненный Ниннин.

«Что с ним происходит?» — невольно подумал Лу Чжэнцин.

— Папа... — слабый голос Лу Юйнина мгновенно развеял эти мысли.

Опираясь на руку Ванбэя, Ниннин, стиснув зубы, с трудом поднялся на ноги. Ледяная вода насквозь пропитала его одежду, но он послушно и кротко улыбнулся старшему брату и отцу, показывая, что с ним все хорошо, и лишь затем повернулся к Лу Юйаню.

На самом деле он толком не понял, что произошло, и не был уверен, не оступился ли сам по неосторожности. Но природная сообразительность подсказала ему, что сейчас лучше не обострять конфликт. Чуть помешкав, он с напускной решимостью произнес:

— Я... я сам поскользнулся. Второй брат ни в чем не виноват.

Однако эта секундная заминка испортила всё впечатление. Кроткое заступничество прозвучало так, словно несчастного ребенка вынудили покрывать чужую вину.

Лу Чжэнцин слишком хорошо знал людей, чтобы пропустить это мимо ушей. Его лицо мгновенно потемнело от гнева.

— Ниннин, ты действительно оступился сам? Но зачем ты вообще подошел к самому краю бассейна? И как именно ты поскользнулся?

Чистый и наивный Ниннин просто не умел быстро сочинять ложь на ходу. Он в панике отвел глаза, беспомощно приоткрыл рот и замялся:

— Я... я...

Но так ничего и не смог выдать.

Этого затянувшегося молчания Лу Чжэнцину оказалось вполне достаточно. Картина произошедшего прояснилась сама собой.

Каждый раз в подобных ситуациях Лу Чжэнцин горько раскаивался в собственной

родительской несостоятельности. Он упустил самые важные годы взросления Юйаня, из-за чего тот вырос озлобленным, эгоистичным и завистливым. И сколько бы сил отец ни вкладывал в него за последние четыре года, переделать этот скверный характер он так и не сумел.

Он снова вперил в Лу Юйаня взгляд, холодный и острый, словно лезвие клинка.

Но вопреки ожиданиям, юноша проявил ледяное упрямство и все-таки закончил прерванную фразу:

— Лу Юйнин сам поскользнулся.

Будь перед ним посторонние люди, Юйань не удостоил бы их и словом оправдания. Пусть заблуждаются, какое ему дело? Но эти двое — Лу Чжэнцин и Лу Ванбэй — были его кровной семьей. Единственным исключением.

Но эти упрямые слова лишь поднесли факел к пороховой бочке.

— «Лу Юйнин», «Лу Юйнин»! — глухим от ярости голосом оборвал его Лу Чжэнцин. — Неужели ты не понимаешь, что он твой брат, а не чужак с улицы? Ты вернулся домой четыре года назад, но для тебя он так и остался посторонним человеком?!

Заметив зажатый в руках сына бумажный свиток, отец вспыхнул от иррациональной злости. Он резко рванул картину из рук Юйаня и швырнул ее прямо в воду.

— Что это за проклятая мазня?! Из-за какого-то куска бумаги ты даже не соизволил помочь собственному брату?!

Застигнутый врасплох, Юйань не успел даже отпрянуть. Он мог лишь беспомощно наблюдать, как драгоценный свиток, который он бережно восстанавливал долгие месяцы, идет на дно бассейна. Парень без раздумий шагнул в воду и выловил картину, но спасти уже было нечего.

Краски поплыли, нежная основа размокла и расползлась. Последнее, что он так отчаянно пытался сделать ради мамы, было окончательно разрушено.

— Ты эгоистичен и мелочен! — продолжал греметь голос отца над головой. — Ниннин всегда уступает тебе, шагу без твоего согласия ступить боится, а ты раз за разом пытаешься причинить ему вред!

Все накопившиеся за долгие годы упреки и разочарования наконец хлынули безудержным потоком.

Юйань медленно поднял голову. В его глазах застыло глухое, почти детское недоумение.

Осознание обрушилось на него лишь секунду спустя, полоснув по сердцу острой, невыносимой болью.

«Значит, вот каким они меня видят? Вот кто я для них?»

«Но я ведь просто хотел забрать то, что принадлежит мне по праву... Разве это преступление?»

Нужные слова застряли в горле. Да и как им объяснить? Рассказать, что богатство и статус семьи Лу никогда не имели для него значения?

«Они ведь все равно не поверят...»

Юйань с надеждой посмотрел на Лу Ванбэя. В отличие от всегда сурового и властного отца, старший брат когда-то казался ему единственным близким человеком, готовым выслушать.

Но теперь Ванбэй глядел на него так, словно перед ним стоял абсолютно чужой человек. В его глазах сквозила лишь ледяная стужа.

— Я надеялся, что если мы продолжим нянчиться с тобой и потакать твоим прихотям, ты хоть немного присмиреешь и отстанешь от Ниннина, — глухо заговорил старший брат. — Но горбатого только могила исправит. Секретарь Ду сообщил, что на днях ты ошивался в компании. От него выведал про предстоящую операцию? Специально решил устроить это сейчас, чтобы он упустил шанс на трансплантацию, которого ждал всю жизнь?! Тебе обязательно нужно свести в могилу каждого, кто мне дорог?!

— Брат... — Юйань растерянно посмотрел на него.

Какая операция? О чем он вообще говорит? Юйань ничего об этом не знал и в офис отца не приходил.

Он попытался возразить, но Ванбэй смерил его взглядом, полным такого жгучего отвращения, какого Юйань еще никогда не встречал.

— Не смей называть меня братом. Я не заслужил этого сомнительного звания...

Ванбэй осекся на полуслове, будто больше не мог выносить присутствия этого ничтожества. В его лице мелькнуло странное, пугающее облегчение. Он тихо, глухо рассмеялся и, вперив ледяной взгляд в Юйаня, процедил сквозь зубы:

— Тебе мало того, что ты уже убил маму?

Юйань замер, словно пораженный громом. Его янтарные глаза широко распахнулись от немого ужаса.

«Я... убил маму?»

— Если бы не ты, у нее не было бы тех тяжелых родов, подорвавших здоровье, — бесстрастно, но невыносимо жестоко чеканил Ванбэй. — И если бы ты не был таким капризным эгоистом, если бы не сбежал тогда, разве она сгорела бы так быстро?

Сколько Ванбэй себя помнил, он никогда не любил младшего брата. Из-за его рождения здоровье мамы пошатнулось, а сам Юйань рос невыносимо избалованным, капризным и эгоистичным ребенком, который привык устраивать истерики по любому поводу.

Мальчишка постоянно сбегал к реке без спросу, а все шишки за его безрассудство всегда сыпались на старшего брата.

Каждый раз, когда Юйаня находили и возвращали домой, ему часами втолковывали, что соваться в воду одному нельзя. Но все предупреждения были для него пустым звуком.

Ванбэй в деталях помнил тот роковой день. У него был день рождения, он договорился встретиться с друзьями, но Юйань устроил дикую истерику, требуя поехать в парк на набережной. Делать было нечего — пришлось подчиниться его капризу. Они поехали туда вместе с мамой.

В его памяти навсегда отпечаталось то место: прочные перила, яркие знаки, запрещающие приближаться к воде. Но разве избалованный Юйань когда-нибудь слушал взрослых? Его эгоизм в тот день уничтожил их семью.

И с того самого дня Ванбэй больше ни разу в жизни не отмечал этот праздник.

Юйань исчез. Спасатели разводили руками, все вокруг были уверены, что ребенок утонул. Одна лишь мама отказывалась в это верить. За те дни, пока реку прочесывали баграми, она превратилась в бледную тень.

Когда ниже по течению кто-то обмолвился, будто видел спасенного ребенка, и даже предъявил его личный нефритовый амулет, мама окончательно потеряла рассудок. Она бросила все силы на поиски, которые больше напоминали безумие.

До того как в их доме появился Ниннин, жизнь семьи превратилась в сущий кошмар. В памяти Ванбэя зашевелились старые, удушливые воспоминания: угасающая на постели бледная мать, вечно нахмуренное, постаревшее лицо отца... Серое, безрадостное детство, от которого перехватывало дыхание.

Источником каждой трагедии в этом доме был один-единственный человек — его младший брат.

За долгие годы одиночества Ванбэй миллионы раз ловил себя на страшной, запретной мысли.

«Почему Лу Юйань просто не утонул в тот день?»

«Если бы у меня никогда не было этого несносного брата... Если бы вместо него со мной всегда рос кроткий, послушный Ниннин, наша семья была бы по-настоящему счастлива».

Когда Ванбэй умолк, на заднем дворе воцарилось тяжелое, удушливое молчание.

И в этой тишине не было неловкости. Она походила на молчаливое, трусливое признание — фальшивая маска благородного семейства наконец была сорвана, обнажив неприглядную правду.

— Ванбэй... — лишь спустя долгую минуту тихо обронил Лу Чжэнцин.

В этом слабом окрике не было даже намека на упрек.

Одной этой вялой интонации хватило, чтобы расставить все точки над «и».

Так вот оно что.

Губы Лу Юйаня вдруг дрогнули в бледной, вымученной улыбке. Глядя на стоящих перед ним кровных родственников, он наконец получил ответ на мучивший его годами вопрос. Вот почему они всегда любили Лу Юйнина и терпеть не могли его самого.

«А я-то наивно полагал, что просто недостаточно старался... Что принес им одно лишь разочарование своим поведением».

«Оказывается, они просто с первого дня винили меня во всех смертных грехах. Они никогда меня не любили. А если любви не было вовсе, то как Лу Юйнин мог ее у меня украсть?»

«Но я ведь просто хотел забрать то, что принадлежит мне по праву... Я не умолял их забирать меня из приюта...»

«Если я вам так противен, зачем было разыскивать меня? Зачем четыре года ломать комедию, даруя призрачную надежду? Я ведь не тот, кто зачахнет без вашей ласки. Я прекрасно выживал в одиночку целых десять лет. Скажите они мне правду сразу, я бы и близко не подошел к вашему порогу».

Наверное, атмосфера стала слишком невыносимой даже для Лу Юйнина. Чтобы перевести тему, он наклонился, выловил из бассейна размокший клочок бумаги и удивленно прочитал вслух размытые строки:

— Ой, а это что?.. Перстневидноклеточный рак желудка... отдаленные множественные метастазы...

Бумага раскисла в воде, чернила поплыли, поэтому разобрать имя владельца или название клиники было невозможно.

— Кто же это так сильно болен? — Ниннин сочувственно нахмурился, решив, что бумагу случайно обронил кто-то из садовников или горничных. Но стоило ему перевести взгляд на замершего у воды Юйяня, как в его голове мелькнула страшная догадка. Его глаза испуганно округлились.

Но озвучить свою мысль он не успел. Ванбэй небрежным, брезгливым движением выхватил бумагу из его пальцев и швырнул на землю.

— Выбрось, Ниннин. Не хватай всякую грязь.

— Но, братец... — попытался было возразить мальчик.

Проследив за испуганным направлением его взгляда, Ванбэй смерил Юйяня колючим, издевательским взглядом.

— А что? Неужели думаешь, это бумажка Лу Юйяня? — Он ядовито усмехнулся и холодно добавил: — Что на этот раз, а? Решил разыграть новую сцену и прикинуться умирающим?

— Братец... — Ниннин потянул Ванбэя за рукав, пытаясь остановить его, и с робкой тревогой посмотрел на Юйяня: — Второй брат...

Вид у того и впрямь был краше в гроб кладут.

Юйянь медленно поднял глаза на стоявших перед ним родственников.

Когда-то он думал, что эти слова убьют его. Но сейчас он не чувствовал ровным счетом ничего, кроме глухой, бездонной апатии.

Юйянь скользнул взглядом по клочку бумаги, на который Ванбэй уже успел наступить подошвой туфли, и вдруг негромко усмехнулся. Вся многолетняя горечь разом испарилась с его лица. Он поднял голову и совершенно спокойно, словно речь шла о посторонних вещах, ответил:

— Нет, не моя.

Ему больше не хотелось тратить на этих людей ни единого вздоха.

Он просто развернулся и пошел к воротам. Этот внезапный уход заставил Ванбэя растерянно замереть.

По логике Ванбэя, Юйань должен был взбеситься, кинуться на него с кулаками или устроить очередной безобразный скандал. Тогда бы и сам Ванбэй, окончательно сбросив маску любящего брата, высказал ему в лицо всю ту многолетнюю грязь, что носил в душе.

Но Юйань не сделал ничего.

В его последнем взгляде не было злости — лишь пугающее равнодушие. словно из этих светлo-кариx глаз навсегда ушло то, что делало их живыми.

В груди Ванбэя внезапно шевельнулась странная, тупая боль — тоскливая и невыносимо кислая, от которой перехватывало горло.

Он инстинктивно повернулся к отцу, но Лу Чжэнцин и сам растерянно провожал взглядом удаляющуюся фигуру. Повинуясь привычке командовать, глава семейства набрал в грудь воздуха и властно приказал:

— Лу Юйань! А ну стой!

Но юноша даже не замедлил шаг, словно этот крик предназначался не ему.

— Если ты сегодня уйдешь, ноги твоей больше не будет в этом доме!

Но Лу Юйань даже не обернулся. Его силуэт медленно растаял в дорожной дымке, навсегда исчезнув из их жизни.

Юйань искренне надеялся, что у него хватит сил дойти до своего временного дома.

Но измученное тело подвело его. Он потерял сознание у подножия холма, так и не дойдя до остановки. Какая-то добрая душа вызвала скорую, и его доставили в больницу.

Времени у него почти не осталось. Впрочем, его хватило, чтобы завершить те немногие дела, что у него были — например, пристроить маленького рыжего кота в хорошие руки.

Болезнь пожирала его изнутри с пугающей скоростью.

В последние дни медсестра, помогавшая ему заполнить бумаги на донорство органов, несколько раз осторожно спрашивала, не нужно ли связаться с его родными, чтобы они побыли рядом.

По телевизору в палате крутили праздничные новости: репортаж с открытия персональной выставки молодого мастера традиционной живописи Лу Юйнина. С экрана на Юйаня смотрели три улыбающихся лица — счастливый отец, гордый старший брат и их любимый младший сын. Идеальная семья.

Юйань собрал последние остатки сил и слабо покачал головой.

«Вы так сильно презирали меня... Что ж, теперь я ухожу насовсем».

Сквозь сгущающуюся тьму он вдруг различил мягкий, теплый свет. Там, впереди, его ждала нежная женщина в белом ципао, точь-в-точь как на той картине, которую он так и не успел спасти. Она ласково улыбалась и звала его к себе, маша рукой.

На его губах застыла едва заметная, умиротворенная улыбка.

«Моя настоящая мама... Наконец-то я иду домой».

<http://bllate.org/book/19801/1984986>